

-1-

Ночь была чудесно звездная и по-весеннему прохладная. Я сидел на деревянной ступеньке крыльца своей дачи, завернувшись в одеяло, и как-то особенно четко воспринимал весь мир, аккомпанировавший моему сонному настроению тихим ночным шумом загородного поселка, ещё не забитого гоготом и музыкой гостей выходного дня. А может уже не забитого? Или ещё? Мозг, измученный несколькими часами бессонницы, начал глубоко анализировать рождённые «качели» между «ещё» и «уже». «Будь неладна эта среда – ни туда, ни сюда», – оборвал я свои изыскания и растер ладонями измятое подушкой лицо. Одеяло тут же уловило момент свободы и шустро сползло с плеч, открывая вспотевшее в духоте спальни тело вечерней прохлады. Я поспешно пресёк этот демарш постельного белья и уютно закутался снова и весь – с шеей и с руками. Да что там, практически по глаза ушёл под одеяло. Стало ещё уютнее, чем было.

Господи, а какое было Небо! Оно было бесконечное и потрясающее! Поселок, в темноте будней, не посягал земным светом на власть рассыпавшихся по небу звезд. И они неотвратно и безмолвно втягивали в себя мой взгляд, пробуждая чудесные детские мечты и фантазии. О дальних полетах, о чудесных мирах, о людях в скафандрах на неизвестных планетах. Я даже не пытался тягаться с гипнотической силой звездного неба. Я просто отдался ему и своим детским мыслям, подсознательно ожидая и боясь того момента, когда это очарование сойдет и я рухну обратно на крыльцо. В одеяло, в треск кузнечиков. И, как оно бывает всегда, звезды отпустили меня легко, тихо и как будто на чуть-чуть – домой в гости, так что удара об крыльцо не последовало. И опять же, как всегда бывает, почему-то захотелось спать. Нет, даже не спать, а уютно вытянуться на кровати, закутавшись в одеяло.

Вспомнив, про свою недавнюю борьбу с подушкой в душной комнате, я решил остаться под звёздами. Я тихонько свистнул в сторону собачьей будки. Никакой реакции. Я еще раз свистнул, подождал, а затем позвал: «Буся!». В ночной тишине стало слышно, как в будке за углом дома кто-то запыхтел и зашевелился. А затем послышались мягкие шаги. Из-за угла, раскачивая вдоль земли сонной головой с развалившимися по сторонам ушами, ко мне посеменил мой здоровенный овчарюга – Буся. По ходу движения он скидывал с себя сонное торможение и его торчащие уши начали свое восхождение на макушку головы, а хвост сдержанно, но неумолимо начал раскачиваться в приветственном вилянии. Я засмотрелся на своего друга и, в нужный момент потеряв свои руки где-то в одеяле, оказался совершенно беззащитным перед его горячим и мокрым языком. Мое лицо было обработано быстро и профессионально, мне оставалось только фыркать и отплевываться,

зарываясь носом в одеяло и прячась от дальнейшей нежности. Буся не стал настаивать на взаимности и грузно, царственно повалился, прижав мои ноги своей мощной чепрачной шеей к ступеньке крыльца. Я вынул ступни ног из придавленных тапок и с наслаждением запустил их в плотный мех моего друга, почесывая пальцами ног выемку на шее за жестким собачьим ухом. Это была отработанная годами, идеальная позиция, которая в любые времена устраивала нас обоих. Тепло от собачьего тела и мерно вздымающаяся грудь сонного животного добавили в эту ночь еще больше покоя и уюта.

«Как хорошо, что завтра не на работу», – думал я, прекрасно понимая, что рассвет мне все равно не проспять. Этот же самый сонный зверь у моих ног, ни за что не пропустит утреннюю прогулку на озеро. Да и мне не даст проспять эти чудесные мгновения. Как будто обрадовавшись, что я о нем вспомнил, озеро толкнуло в нашу с Бусей сторону поток прохладного воздуха. Воздух принес с собой далекий звук лягушачьего хора, тихий и слишком слабый, чтобы противостоять дружному хору кузнечиков. Или кто там у нас трещит в траве по ночам? Этот призрак звука вместе с запахом воды какое-то время повисел в воздухе, а потом затих также, как и появился, унесенный обратным движением ветерка. «Странно, почему ночью сильнее всего орет то, что днем прыгает?», – пронеслась у меня в голове легкая и бестолковая мысль. Даже не попытавшись ответить или опровергнуть её, я опять погрузился в сонное созерцательное оцепенение.

Ночь текла, мысли обо всем и ни о чём тоже текли и перетекали друг в друга, не цепляясь, не тревожа, не принося беспокойства. Наконец я созрел до того, чтобы встать, зайти в дом и уснуть. Я высунул из-под одеяла руку и, потрепав плотный загромоздивший овчарки, стал выживать из-

под него свои тапки и конец прижатого одеяла. Пёс тяжело вздохнул, но вытерпел эту процедуру. Он покосился на меня со скрытым упреком, но не двинулся и остался лежать. Непонятно как укутанный в скомканное одеяло, с тапками в руке, я открыл дверь и шагнул в темноту сеней, отрезав себя, закрывшейся за мной дверью, от освещённого звездами ночного мира улицы. Путь по тёмным сеням до входной двери в дом был коротким: три ступеньки вверх и пять шагов к двери – не заблудиться, поэтому я смело шагнул на первую ступеньку. Ступеньки на месте не оказалось, и я понял, что проваливаюсь.

-2-

Наверняка, всем знакомо такое чувство – ты наступаешь на что-то, не глядя, и... промахиваешься. Дёргает так, что кажется, шея оборвется. У меня было хуже, нога, не поймав возвышающейся опоры верхней ступеньки не поймала и тверди пола и провалилась, уходя уровнем ниже. Потом, увлекая за собой тело, она скользнула по ступеньке ниже, и... я полетел по уходящей вниз неведомой мне лестнице, чудом не падая, цепляясь руками за шершавую поверхность влажных стен. Мне повезло – лестница была узкая и винтовая и поэтому не давала мне достаточного пространства, чтобы грохнуться. В конце концов, стена, идущая винтом вдоль лестницы, кончилась и я, всё-таки не удержал равновесия и растянулся на каменном полу этого загадочного пространства под моим домом.

Первая мысль, пришедшая вслед за шумом в ушах, была мысль об испачканном одеяле. Потом, на смену ей пришла мысль про то, что я вроде как

цел. Потом чуть-было не пришла еще одна мысль, тоже, наверное, очень ценная и содержательная, но не успела... В сером полумраке кирпичного подвала мой взгляд просто не мог не зацепиться за тонкую щель по контуру двери, отделявшую меня от ярко освещенного и веселого пространства. Да, да! Хоть стреляйте меня, я просто был уверен, что за этой дверью царит какое-то шумное и яркое веселье! Хотя, кажется не слышал и не видел каких-либо признаков этого. Впрочем, не уверен. Может признаки и были, но я в тот момент это не анализировал.

Можно конечно было бы вас подразнить ожиданием неизвестности, описывая свои эмоции и волнения. Можно было бы поговорить про влажность кирпичных стен подвала, про подрагивающий пыльный воздух в лучах света, исходившего из двери, ну и так далее. Не буду! Да и не было мыслей. Наверное, я их все три передумал уже, когда лежал. Поэтому, я просто встал и открыл на себя дверь.

Ви-и-и-и-г-р! - в ушах. Ба-бах! - в мозгу.

О Боги, сколько там было света!!! Сколько там было бабочек!!! Сколько там было пространства!!!

Меня просто ослепило! В ярком дрожащем и трепыхающемся сиянии царила какая-то сногшибательная круговерть из пестрых крыльев, усиков, лапок! Было как-то очень ярко и чарующе весело! Процесс там царил малопонятный, но однозначно тот самый процесс - в который хочется войти. И я вошел.

Первое, что я почувствовал, переступив порог - падение и невесомость. Второе - я почувствовал, как мое одеяло распахнулось

и затрепетало надо мной, и сбоку от меня, и подо мной. Да и нет никакого одеяла – крылья есть! Новенькие и беленькие, в кирпично-красных разводах и пятнах – шикарные крылья! Я совершил какой-то сложный маневр (не рискну использовать авиационный термин) и развернулся, оглядывая пространство, в которое я очередной раз за эту ночь провалился. Ни стены, ни двери, вообще ничего – свет и мерцание тысяч крыльев вокруг.

И, я полетел! Свой восторг и того, что кроется под фразой «я полетел» – я вам не опишу (не смогу), но попробую: я ловил воздух, я пристраивался рядом с какой-нибудь другой бабочкой, и мы начинали виться в воздухе друг вокруг друга. Я складывал крылья и падал вниз, расправлял их снова и парил. Это было весело, это было пьяняще, это была свобода!

Мне показалось, что я наслаждался полётом целую вечность, а когда я облетелся и привык, то стал обращать внимание на мир вокруг меня. Я стал присматриваться, и понял, что хаоса нет, что все летают куда-то и зачем-то. Хотя, при всей своей занятости, выглядят совершенно необременёнными. Даже наоборот все выглядели неумными и по счастливому возбужденными. И в царящем хаосе всеобщей радости был строгий, но сложно различимый порядок. Даже не пытайтесь гадать о том, что сделал я дальше... Я расправил свои чудесные бело-красные крылья и запорхал туда, откуда летели остальные бабочки. Я летел сквозь пестрый трепещущий поток, мы встречались, мы обтекали друг друга, мы делали завихрения. Я кажется, достиг пика своего лёгкого восторга от полёта, когда встречный поток бабочек внезапно распался и, я попал под снег.

Ну, не то чтобы это был снег..., да и не снег это был вовсе..., ну если и похоже на снег, то это

не был холодный водяной снег. Этот снег был очень разноцветным, полупрозрачным и переливающимся. Он летел откуда-то сверху, казалось прямо оттуда, откуда исходило сияние. Он падал медленно-медленно, а разноцветные бабочки подхватывали по одной яркой, переливающийся снежинке и улетали, вливались в поток, стремящийся туда, откуда я только-что прилетел. Царила жуткая кутерьма: разноцветные крылья перемешивались с яркими хлопьями. Внезапно, во всем этом хаосе я увидел, как прямо на меня спускается ярко алая переливчатая снежинка, и повинувшись какому-то высшему чувству, я схватил её и, ощущая пульсирующее биение энергии в нитях и узелках выхваченной мной снежинки, я затрепетал крыльями и влился в мелькающий пёстрый водоворот других бабочек.

- Ты где нашел такую красулю? - прозвенела, пролетающая мимо меня, синяя бабочка с бежево-голубой снежинкой.

- Какая прелесть! - прозвенела другая, обмахнув меня белым крылом.

- Держись левее, новичок! - весело дзынькнула третья, унося в лапках розовосиреневый туман.

Я послушался и перетек левее, в редкий ручеек таких же как я, обладателей ярко красных снежинок. Наш ручеек завился, завихрился, и в конце концов отделился от общего потока уносясь влево и ввысь, туда, где переливалась и мерцала какая-то прозрачная и восхитительно яркая алая нить. Подлетев ближе, я увидел, как вихрь бабочек, обвивая ярко алую нить, вкладывают в нее свой груз, таким образом удлиняя её принесенными с собой снежинками. А вложив снежинку, те же бабочки начинают порхать вокруг в каком-то чудесном танце, дуновением крыльев уплотняя

и сглаживая переливчатую поверхность своего творения.

– Что это? – не удержался и выкрикнул я, вливаясь в хоровод танцующих крыльев.

– Глупенький, это – мечта! – захихикал золотистый мотылек.

– Там, наверху, в доме, если не считать взрослых, живут две чудесные девочки с косичками и собака с большими ушами, – торжественно прошелестела огромная пестрая бабочка.

– Они спят и мечтают, и их мечты сыпятся к нам, – опять перехватил золотистый мотылек.

– А мы, строим дорожку к их мечте, – вихрем ворвался в наш разговор Павлиний Глаз.

– А вот эта красная – это чья это мечта? – в жутком волнении спросил я, внезапно выпав из веселья и вспомнив про жену, дочек и Бусю.

– Ха, глупенький! – погладила меня воздухом от взмаха крыла огромная бабочка. – Это сны пса с большими ушами. Только у собак такие простые – одноцветные, но яркие и прямые мечты.

– Вот бы понять, о чем он мечтает! – пропел я, вновь подхваченный радостью и ритмом танца.

– Так это же просто. Посмотри чуть дальше. – прозвенел над ухом мотылек, – он всего-то и хочет, чтобы хозяин так и сидел с ним рядом до утра, потому что ему очень грустно одному ночью.

И действительно, взглядевшись в даль по направлению, в котором уходила растущая алая нить, я увидел прозрачную, даже призрачную картину, проявленную контурами в лучах восходящего солнца: человек, сидящий на крыльце,

укутанный в непонятный балахон, и лежащая у его ног большая красивая собака. Картина становилась все отчетливее и отчетливее. Я всматривался в неё, пытаюсь выделить детали, когда лучи восходящего солнца вспыхнули над горизонтом ярким светом, слепя и заставляя меня зажмуриться.

-3-

А когда я вновь смог открыть глаза – я проснулся. Звездное небо расстилало надо мной свой темно синий дырявый ковер, а у ног, положив морду на передние лапы, спал мой друг Буся. Моя рука, высвободившись от одеяла, влилась в густую шерсть загривка, теребя жесткую округлость собачьего уха. Я поглядел на восход, ища в ночном мраке признаки рождающегося солнца и, не найдя понял, что эта чудесная ночь будет длинной и прекрасной, потому что рядом был мой друг, а в ушах, сквозь стрекот кузнечиков по-прежнему звучала музыка, создаваемая трепетом крыльев бабочек и звоном мечты.

Константин Ганин, март 2017